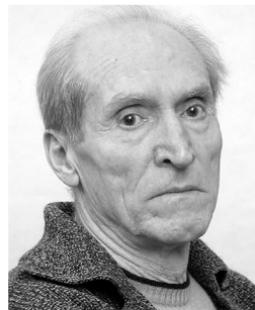

Олег

Ждан-Ицкин

ПОСЛЕДНИЙ ДРУГ

Редактор был старый, въедливый, он надоел за долгие годы всем – и авторам, и сотрудникам, даже дежурному милиционеру на входе, и почему его до сих пор не отправили на пенсию, было неясно. Может быть, стеснялись: как объявить, что – хватит, проел плешь, иди к внукам и вообще... Но стыдно обижать старых. Хотя, с другой стороны, какой стыд у начальства? Начальство – это не люди, это должности. А если должности, то и обязанности должностные. А если не разумеют этого, значит, такое начальство.

Так думал один из авторов журнала, Сергей Королевич, приближаясь к редакции. Месяц назад он отдал на чтение повесть и теперь шел за ответом. Предчувствие было отвратительным. Королевич считал себя человеком смелым и независимым, но тогда, месяц назад, отдавая рукопись, вдруг неожиданно для себя заулыбался, хотя давно ненавидел Редактора, и сказал тонким голосом: «Хорошо бы к Новому году... В январе у меня юбилей...» На что Редактор равнодушно сострил: «А у тещи когда? А у тестя?» Однако тут же добавил: «Хорошая повесть не залежится. Позвони через месяц». Он почти всем говорил «ты», к этому привыкли, поскольку – возраст, не обидно, да он и сам был не против, если и к нему – запросто, мол, и он молодой. Вот и Королевич, хотя был много моложе, но все же дожил до возраста юбилеев, имел право на «ты». А когда Королевич уже уходил, Редактор вдруг спросил: «Тебе сколько будет?» «Шестьдесят», – приостановился в надежде на продолжение разговора. «А мне, когда исполнилось шестьдесят, казалось, жизнь заканчивается. Оказалось – нет, можно жить», – поделился таким вот никчемным воспоминанием и уткнулся в очки с толстыми стеклами. В профиль, над рукописью, он выглядел совсем старым. Противным.

Когда-то в далекой молодости работа в редакции казалась Редактору, а тогда еще просто автору, самой лучшей из всех возможных. И когда его пригласили редактировать в журнале отдел прозы, был счастлив. Исполнилось почти все, о чем мечтал: общался и разговаривал о литературе с писателями, читал рукописи, порой – что скрывать – публиковал вне очереди свои рассказы и вдобавок получал за собственные удовольствия зарплату. Все это нравилось ему до сих пор, потому и не уходил на пенсию. Ладно, опубликую этого несчастного и уйду. Хватит. Так размышлял Редактор, тупо глядя на дисплей, в ожидании Королевича.

Вчера исполнился месяц с той встречи, и Королевич позвонил.
– А-а, – тотчас узнал по голосу Редактор, – прочитал, приходи.

– Ну и как? Надежда есть?

– А как без надежды? Надежда была даже в ящике Пандоры.

Он любил вернуть что-нибудь из Большой советской энциклопедии, а в нынешние цифровые времена – из Википедии. Произнесено это было опять как бы шутя, но сегодня чувства юмора не было ни у одного, ни у другого, оба ощутили неуместность шутки и теперь мрачно ждали встречи. Дело в том, что Королевич уже несколько раз приносил свои рассказы, но Редактор их без особых объяснений отклонял. Дескать, слабо, дескать, не наш жанр, не наш формат. Нынешнюю повесть Королевич шлифовал, как ювелир алмаз перед продажей, и очень рассчитывал на публикацию и признание писательским сообществом. Ее прочитали несколько друзей, даже известный писатель Солонец, и все одобрили, поздравили с успехом. Одобрила даже собственная жена, хотя обыкновенно посмеивалась над его писаниями. «Напечатаю, – решил он, – и сразу разведусь». В самом деле, сколько можно терпеть. Вот только Редактор... Королевич, словно между прочим, сообщил ему, что рукопись прочитали и одобрили друзья, даже Солонец, на что тот заметил: друзья друзьям бессовестно лгут. Правду говорю только я. Ну и что ты скажешь на такую наглость? Маленький ничтожный бонапарт.

В общем, ожидания от предстоящей встречи были не радужные.

Однако улыбнулись друг другу.

– Садись, – Редактор ткнул на заранее приготовленный стул, стоявший бочком к столу, как на приеме в поликлинике. И начал листать рукопись.

Королевич тотчас увидел какие-то записи на полях, вычерки, стрелки, перемежающиеся фразы и целые сцены, и начал закипать. Надо сказать, что один из его знакомых, даже как бы приятелей, узнав, что рукопись у Редактора, ахнул-охнул. «Пропала твоя повесть! – произнес весело и уверенно. – Скажет “не формат”. Или так ее изрисует... Не узнаешь. Он тупой, как ты этого не понимаешь?» Тут дело в том, что в минувшем году он опубликовал в журнале рассказ, но нервы Редактор ему испортил, изуродовал хорошее произведение. «Что сделаешь? – с унынием пробормотал Королевич. – Другого журнала нет». «Надо было идти к Главному!» «Поздно», – мрачно отозвался Королевич.

Да, предсказание сбывалось. На одной из страниц Редактор остановился.

– «От Минска до Крыжовки, – громко зачитал он, – восемь километров на электричке».

Зачитал и ждал, пытливно глядя в глаза.

– Ну, – отозвался Королевич, не сообразив от ненависти, о чем речь. – Ну, может, девять.

– А если на велосипеде?

– Не понял.

– А если пешком? Тогда сколько? Двадцать?

Королевич молчал.

– Дальше, – продолжал Редактор. – Что это? Твой герой женится? С чего вдруг?

– Так бывает в жизни, – ответил Королевич, чувствуя приближение чего-то ужасного.

– В жизни бывает, а в художественном произведении не должно быть, – произнес поучительно, с явным удовольствием. – Сцену надо выбросить...

Это и была точка взрыва.

– Нет! – закричал Королевич. – Никогда! Ни одного слова! Нет!

Схватил рукопись и понесся по коридору. Залетел в один кабинет, второй, третий, вскочил к Главному Редактору.

– Смотрите, что он сделал с моей рукописью! Смотрите! – листал перед его глазами страницы.

Листки падали на пол, Королевич ползал за ними под столом и готов был уничтожить всех, включая Главного.

Но Главный молчал.

– Я давал ее читать многим, даже Солонцу, он сказал – гениально!

Главный молчал. То есть молчала Должность. Он был молодой и красивый. Больно ему интересны и Редактор, и Королевич.

Королевич вылетел из кабинета и – вон, на улицу, к людям. Здесь сияло солнце, неслись машины, мигали светофоры, не было никаких Редакторов – здесь было хорошо.

И все же нужно было пообщаться с кем-то из понимающих, еще раз укрепиться в своей правоте и ненависти. Может быть, зайти в Союз писателей? Он постоял у Дома литераторов, подумал о том, с кем бы там можно поделиться переживаниями, и никого не выбрал. Там сидят благополучные люди, которым глубоко наплевать на рукопись какого-то несчастного автора. Да и Редактор тоже из их дружной компании. Стало совсем тошно на душе. Шагнул к парку Горького и тут увидел старого знакомого, писателя Губарева – торопливо шагал с тяжелой сумкой в руке.

– Гриша! – позвал.

В общем, хотя Губарев спешил куда-то, через несколько минут они сидели за столиком уличного кафе, и Королевич под столом разливал коньяк, который купил в ближнем магазине. Губарева ему, как говорится, бог послал. Дело в том, что год назад он предлагал журналу роман, действие в котором происходит в следующем веке, но уже через неделю Редактор позвонил и сказал, что, во-первых, журнал фантастику печатает только в исключительных случаях, во-вторых, это и не фантастика, а фантазмагория, в-третьих, объем романа 16 листов. Так что и читать не буду. Сократи вполтину и приноси, тогда «будем посмотреть». Понятно, сократить можно, но где гарантия, что напечатают? Гарантии нет. А что такое исключительный случай? В чем четкая разница между фантастикой и фантазмагорией?.. Что за дурацкий юмор – «будем посмотреть»? Короче, Губарев послал повесть в Москву в очень крупное, даже знаменитое издательство – надо утереть Редактору нос, и теперь ждал ответа. И когда Королевич рассказал о своей сегодняшней встрече, оба пришли к единому мнению: Редактор – мудака.

Что ни говори, а легче на душе, когда поговоришь с умным человеком. К сожалению, Губарев торопился, как оказалось, на дачу, и скоро стал извиняться, мол, должен идти. Что ж, надо так надо, хотя мог бы и посидеть со старым другом. Равнодушно простились.

Что делать с ополовиненной бутылкой? Нести в руке? Сунуть в карман? Хорошо бы зайти в редакцию и грохнуть на стол: «На! Это тебе за труды!» Однако для такого шага надо соответствующее настроение и состояние. Сунул бутылку в карман. Подумал, что выглядит с оттопыренным карманом как алкаш. И наплевать.

Но Редактору надо отомстить. И он знал – как.

Собственно, месть уже была приготовлена. Журнал он читал регулярно и внимательно, особенно первую его половину, то есть беллетристику. Что-то нравилось, что-то оставляло равнодушным. Но полгода назад появилась в журнале повесть довольно известного писателя Споровского «Волки», которая возмутила его и непонятной философией своей, и деталями быта охотников: что-что, а охоту Королевич знал с детства. Он тотчас начал писать рецензию на повесть, обвиняя автора в незнании проблемы, за которую взялся, а еще больше Редактора за то что повесть пропустил в печать. Рецензия получилась не просто разгромной, а яростной, и предлагать ее в литературную газету не стал – не опубликуют. Можно было вывесить на «фейсбуке» или каком-либо литературно-критическом сайте, но пока решил повременить. Пока достаточно было того, что работа над рецензией принесла удовлетворение. А еще чувствовал – пригодится.

Между прочим, Редактор тоже пописывал рассказы. Публиковал под различными псевдонимами, но, конечно, близкий круг знал, кто есть кто, и если рассказ удавался, говорили – а что, старик еще ничего, а если оставлял желать лучшего, – что ж, возраст. Публиковал он свои рассказы раз в год. Обыкновенно ставил их на двенадцатый месяц, дескать, я человек скромный, выстоял очередь, в уголке года мне самое место. Но недавно написал повесть и сунул ее в первый номер, словно выкрикнул: «Вот он я! Здесь! А вы думали?..» Так вспоминал Королевич по дороге домой.

Он его рассказы не только читал, он завел файл, в котором помечал все промахи Редактора – и в лексике, и в философии. Он окончил факультет философии Университета и промахи людей по этой части не прощал. «Подожди, – пробормотал Королевич, – я о твоих рассказах еще выскажусь. И скрываться за псевдонимом не стану».

Настроение у Редактора после встречи с Королевичем было неважное. Во-первых, повесть была неплохой, она хорошо становилась в очередной номер, во-вторых, он симпатизировал Королевичу – всегда дружелюбно здоровался, крепко пожимал ему руку, глядя, как и положено по этикету, в глаза. Казалось, что и Королевич симпатизирует ему, потому и сказал «выбрось эту сцену, она ни к чему, в жизни так бывает, а в художественном произведении...» То есть старо, как мир. Хотел как лучше. Хорошо было бы объясниться, но – «нет! Ни одного слова!»

Зашел к Главному.

– К тебе Королевич заходил?

– Залетал, – уточнил тот.

– Ну и что?

– Ничего. Улетел.

– Так ведь забрал рукопись.

– Его право.

– Надо бы как-то помириться.

Главный пожал плечами. Заметно было, что и он не в духе.

– Тут одна девушка жалуется на тебя. Наталья Костикова. Говорит, семь рассказов тебе присылала – все отклонил. А последнюю повесть похвалил – и опять отказал.

– Так это не повесть, а синопсис. Есть начало, конец и никакого развития. Почитай, она есть в почте.

– Да уж почитаю. Девица настойчивая.

– Если согласна еще поработать, пусть приходит. А хочешь – поставим как есть.

– Чего это мне хотеть? Не племянница... Просто много жалоб последнее время. Вот Шестопал со своим романом. Этот точно до министерства дойдет. А теперь еще и Королевич...

На этом без удовольствия закончили разговор.

Работать не хотелось. Он постоял в рекреации, походил по длинному коридору. Молодые девчата, пробегая мимо, здоровались издалека – с полным почтением к возрасту.

Пора?

Королевич проснулся среди ночи с ощущением обиды, даже унижения, искал в памяти причину и вдруг почти въяе увидел Редактора. Вспомнил, вскочил, нашел рукопись, начал листать, не задерживаясь на пометках. Подрагивали руки от ненависти, казалось, что и в самом деле – кипит кровь. Нет, нельзя позволять править такой совершенный текст. Разорвал рукопись на мелкие куски и с отворачиванием швырнул в мусорную корзину. Включил принтер и заново распечатал повесть. Вот так! И никак иначе! Ни одного слова! Никогда!

Свою рецензию на «Волков» тоже распечатал – крупно, жирно, с выделением курсивом слов и целых абзацев. Прочитал несколько начальных фраз... Хорошо!

Он знал, что должен сделать. Нужно только дождаться утра. Нельзя простить.

Нет, не спалось. Теперь мусорное ведро стояло перед глазами. Он вскочил, в трусах с ведром выскочил на лестничную площадку, вывалил корзину в мусоропровод. Сразу стало легко. Даже Редактор не мельтешил перед глазами. В минувшем году он опубликовал в журнале свою историческую повесть из жизни одного из регионов Беларуси. Королевич читал внимательно и – ликовал. Все это, скорее всего, было не так. Не те отношения, не та культура, не тот быт, не та война, не та лексика. Какие – не знал, но чувствовал: не такие. И все это он выскажет ему. Купил несколько жирных цветных фломастеров и разрисовал публикацию, подчеркивая каждую сомнительную строку.

Пусть знает. Нужно лишь выбрать момент, чтобы сразить его наповал. Это время пришло.

Жена проснулась, заглянула к нему в кабинет.

– Чего не спишь? – зевнула во весь большой рот.

– Пишу рецензию, – сказал он с надеждой.

– Делать тебе нечего, – и зевнула опять.

Всякий раз он надеялся, что заинтересуется его работой. И каждый раз в ответ получал зевок. Надо разводиться. Пора.

Редактор тоже проснулся среди ночи, но не потому, что вспомнился вчерашний случай, а просто по возрасту. Такое случалось в последние годы без всякой причины довольно часто. Однако проснулся и вспомнил Королевича. Ах, черт, произнес про себя, повесть неплохая и человек неплохой, надо было помягче с ним, как-нибудь доверительнее... Авторы – люди ранимые, что-то, а это он знал хорошо. Похвали его сперва — и любая критика окажется приемлемой. Но Королевич – автор с опытом, не новичок в литературе, сам должен увидеть, что

эпизод с женитьбой героя – нелепость. Что ж, и его надо было похвалить сперва? А может, пожать руку, обнять? Расцеловать?

И еще один недавний редакционный случай беспокоил Редактора. Молодой парень, почти мальчишка, попросил прочитать его сказки для детей. Не надо было братья, сказки – не дело их редакции, дети – чужой контингент. Но взялся. Несколько сказок оказались интересными, даже оригинальными, но в целом рукопись не готова к изданию. «Знаешь что, дружок, – сказал Редактор, – сказки твои не плохие, но рановато тебе писать. Зелен ты и бледен. Жизнь для тебя пока – сказка. Приходи через пять лет». Взглянул на мальчишку – слезы стояли в глазах. «Что я такое сказал? – подумал Редактор, – Какое имею право? Может быть, юный гений передо мной?!» Долго смотрел ему вслед.

Молодых писателей Редактор понимал. Литературная работа кажется им простой и приятной. Думается им, что все пойдет как по маслу. Но занятие это не только тяжелое, но и почти безнадежное. Вон сколько отвергнутых рукописей в шкафу, на полках – сотни. И в каждой из них – ожидание признания, славы и денег. «Да, знаем, гонорары нынче ничтожные, но все равно дайте – как подтверждение нашего успеха. Мы положим их под стекло и будем любоваться всю жизнь. Впрочем, ладно, денег не надо, а славу дайте...» Молодые пишут вечерами, старики-пенсионеры днем. Порой, если захватит врасплох вдохновение, по ночам. И дело Редактора все это читать и править, читать и править. Может быть, за долгие годы он все же перестал сочувствовать авторам? Но сильно ли сочувствует хирург своим пациентам? И что, если, лежа на операционном столе, увидев скальпель, больной прыгнет со стола: «Нет! Никогда! Ни за что!...»

Между прочим, удовольствия в его ежедневной работе тоже случаются. К примеру, если позвонит какой-нибудь библиотекарь, или писатель, или рядовой читатель и скажет: хороший получился выпуск, молодцы. А неприятности? О, это всегда пожалуиста.

Несколько дней назад пришла роскошная дама за ответом на свой детективный роман, который оставила в редакции три года назад. Запись о романе Редактор сделал в свое время в специальной тетради и отослал рецензию по адресу, но теперь она потребовала рукопись. Где ее искать, если прошло три года? «Но у вас же есть электронная копия. Давайте мы ее распечатаем для вас», – предложил Редактор. «Нет! – ответила роскошная дама. – Отдайте мне именно ту рукопись, которую я вам прислала, не то я вам такое устрою... Я не от безделья из Гродно приехала. У меня лишних денег нет». Кажется, Дружинкина была ее фамилия – дама с хорошо развитыми бедрами. В редакции имелось кресло с подлокотниками для почетных гостей, – она поместилась в него в два приема: левое бедро, затем правое. По какому-то бесконечно устаревшему редакционному положению рукопись должна была храниться три года, и срок еще не вполне истек.... Ждать дама не стала, вырвала бедра из кресла с помощью подлокотников и хлопнула дверью. Он искал ее рукопись весь день. Нашел. Написал новую рецензию. Очень хотелось отплатить за угрозы, но сдержался – все же женщина. Был бы мужик – задал бы жару. Даже пожелал ей удачи – не без яда, конечно.

Был в этом году и еще один непростой литературный случай: близкий человек, которого уважал за образованность, честность, за литературные и политические убеждения, принес роман, неудачный по всем параметрам – по сюжету, по образам, по главной идее. Счел необходимым сказать правду, как ее понимал. Приятельство завершилось.

Получив отказ опубликовать рассказ или повесть, авторы некоторое время в редакцию не заходят, при встрече ворочают, как говорится, носы. Но со временем обида затихает, тем более, если поспекает новый рассказ... Еще немного – и можно протянуть руку.

Конечно, не все так грустно. Бывало даже – весело. К примеру, некий старик, никогда не занимавшийся сочинением рассказов, записал корявым почерком случай из своей партизанской жизни. Случай был интересный – опубликовали, с молодым портретом, с фотографией времен его партизанки. И старик явился поблагодарить, пожать руку, а заодно вручил нечто в пакетике из-под молока. «Тут есть для ваших внуков», – сказал. Редактор кивнул. А что было делать? Отправить с пакетиком восвояси?.. Поговорили несколько минут и простились. Не без любопытства Редактор развязал пакет. В нем в самом деле оказались две маленькие шоколадки для внуков, а еще четвертинка самогонки, два бутерброда с колбаской и соленый огурец. То есть старик надеялся отметить с ним публикацию – не рядовое событие в его одинокой жизни... Нет, весело не было, когда рассматривал этот подарок, было грустно. О чем-то печальном говорил он.

Возможно, нынешний век со временем назовут веком коррупции. Даже ему, Редактору, некий бесталаный автор предлагал перевести после публикации гонорар на домашний адрес. Это было смешно и нелепо. «А вот интересно, если бы предложили миллион, взял бы я или нет?..» – подумал Редактор. Но поскольку ответа не было, решил: пускай несут, подумаем, что с ним делать, посмотрим... Только, пожалуйста, ни рублем меньше.

Да, пора уходить. Кто он, в сущности, в литературном процессе и мире? Мелкий чиновник. Кто-нибудь оценит его труд?

Вдруг вспомнил историю с Алешей Сокольниковым. Случилось это давно, но и теперь порой саднило в душе. Он долгое время считал, что авторы – даже те, рукописи которых отклонял, – его друзья или, по меньшей мере, приятели. До тех пор, пока не случилась эта история с Алешей Сокольниковым, старым другом. Сокольников принес в редакцию две толстых папки исторического романа, осторожно положил на стол. «О боже, – сказал Редактор, – это ведь “Война и мир” по весу. Мы не сможем опубликовать такое». – «А ты почитай, – сказал Сокольников. – Потом будешь говорить – сможем или не сможем». – «О чем роман?» – «О втором крестовом походе», – с неким тайным значением ответил Сокольников. «Желтые листья?» – неожиданно спросил Редактор. «Да!» И Редактор вдруг поперхнулся и засмеялся. Вынул платок и долго кашлял в него и сморкался, пытаясь скрыть глуповатый смех. Предложил старому другу кофе и даже плеснул в чашечку ложку коньяка, который всегда держал в шкафу на всякий случай, а прощаясь, проводил до двери и, словно извиняясь, крепко пожал руку.

...Они подружились на третьем курсе университета. У Сокольникова в то время была идея-фикс – написать роман о втором походе крестоносцев под названием «Желтые листья». Вздох говорил о будущих образах, извивах сюжета, событиях. «Почему “Желтые листья”?» – «Дело будет происходить осенью! Понимаешь, осенью!» – «А почему – о крестоносцах?» – «Это особенный период в истории Европы!» – «Но современные мотивы будут в твоём романе?» «Плевал я на современные мотивы!» – отвечал он. С того времени прошло очень много лет. Казалось, та идея давно канула в вечность. Но если рукописи не горят, то идеи, видно, тем более не умирают. Оттого и прыснул Редактор, услышав название.

Он начал читать роман в тот же день и через несколько страниц почувствовал на лбу испарину: надежды на хороший текст таяли. А скоро и вовсе задумался: что делать? Как объяснить причину поражения старому другу? Прочитал роман внимательно и решил вместо устного разговора написать рецензию – правдивую и откровенную. «Извини, Алеша, – сказал, пряча глаза. – В разговоре я не смогу все высказать. Читай, потом поговорим». Сокольников взял листок, не присаживаясь, прочитал рецензию и молча вышел.

Явился он на следующий день. С порога было понятно, что пьян.

– Ты сволочь, – сказал он. – Ты подлец! – Упал на стул и заплакал. – Что ты написал?! Какое имеешь право?! Кто ты такой?! Я работал над романом три года! Понимаешь? Три года! Я мечтал о нем тридцать лет!

Редактор молчал.

Мужские слезы – тяжкое зрелище, и все в редакции глухо молчали.

– Ты отнял у меня три года жизни! Да что там – три года! Ты отнял у меня более важное – надежду!

Похоже, не так уж он был пьян.

Невозможно было отвести глаз от его мокрого лица. Но, похоже, сам он не замечал, что плачет.

– Ты отнял у меня дружбу! Как ты этого не понимаешь? Ты был моим последним другом! Я больше никогда не приду к тебе! Я тебя никогда больше не увижу! Не поздороваюсь с тобой, не пожму тебе руку!.. Ты это понимаешь? Ты старый, у тебя больше никогда не будет друзей! Ты будешь жить один! Понимаешь?..

– Но что я могу сделать, Алеша?

– Не знаю... Я не знаю!

Ушел.

В редакционной комнате работали еще два человека – в отделе поэзии и критики. Оба они строго глядели на него.

– Плохой роман! – закричал Редактор. – Плохой!

Беда в том, что слезы Сокольникова были вызваны его паршивыми словами, его бессовестным решением.

Писатели работают по-разному. Одни уходят в молчаливое одиночество, другие жаждут немедленного успеха и с первых страниц начинают искать слушателей. Сокольников – молчал. А поскольку друзей у него не было, приходил в редакцию и время от времени давал понять, что пишет некий особенный исторический роман. И он, Редактор, одобрительно кивал.

Несколько дней спустя он позвонил Сокольникову. «Давай поговорим, Алеша», – предложил как мог спокойно и ровно. «Нет», – отозвался тот и положил трубку.

Вот теперь Редактор понял и почувствовал, что – виноват перед ним. Роман у Сокольникова безнадежно плохой, но виноват в слезах Сокольникова – он.

Почувствовал, что сегодня не уснет и отправился к компьютеру посмотреть почту и новости. Да и светало.

Редактор сидел за компьютером, читал повесть молодого автора и не мог решить, что с ней делать: отклонить или принять и переписывать многие страницы. Переписать – сослужить дурную службу автору, отклонить – погубить неплохую идею. В любом другом случае отклонил бы, если бы не, как говорится, личный

контакт: молодой человек приходил в редакцию с трехлетней дочкой – кудрявый голубоглазый ангел, и Редактор по старости своей не мог ее забыть. Удивительной красоты была девочка. Кроме того, вдруг попросилась к нему на колени. И вспомнив это, решил: надо публиковать. Сразу же позвонил автору: приходи, сказал, есть разговор. И засмеялся: с дочкой!

В эту минуту и влетел Королевич в кабинет. Шмякнул на стол какой-то журнал, листки, распечатанные на принтере.

– Читай! – сказал, глядя в глаза.

– Что это?

– Мой тебе ответ! – произнес, ликуя, и исчез, оставив после себя энергию зла.

Да, чтение было поучительное. Соглашаться приходилось с многим. Да, не глупо. Он, Редактор, был виноват перед журналом, перед читателями: ввязался в доработку той повести, а потом поздно стало отступать. Помнится, внутренне оправдывал себя: есть необычные страницы о жизни волков, есть и попытки бытовой философии. Радовался, что критика не обратила внимания на эту публикацию. Казалось, проскочило, пронесло. Но и правда: нет тайного, что не стало бы явным.

Одно было непонятно: почему Королевич только теперь показал рецензию? Чего ждал?

Что касается его собственных рассказов, жирно исчерканных Королевичем фломастерами в журнале... Нет! Никогда! Ни одного слова!

Однако что-то знакомое почудилось в этих словах. Кто-то их недавно произносил...

Нахмурился.

Выйдя из редакции, Королевич отправился в сторону парка. День стоял солнечный, в парке было полно детей, катались на качелях, каруселях и кричали, будто наступил всемирный праздник. Настроение и состояние у него постепенно менялось. Дело сделано, противник разбит. Все хорошо, он отстоял свои позиции. Все правильно. Конечно, в чем-то Редактор может быть прав, но... Нет, сомнений нет и не должно быть. Впереди – юбилей.

Мир, как известно, тесен. Один из них оказался в одном конце длинного коридора, другой в противоположном. Не встречались они больше месяца. Что делать? Улыбнуться и протянуть руки или как бы не заметить друг друга? Избежать встречи можно было только кинувшись, сломя голову, в туалеты, одному в мужской, другому в женский. Или развернуться на сто восемьдесят. Или одному взлететь, другому провалиться.

Но поздно.

Они сближались.

Олег Ждан-Пушкин родился в 1938 году в Смоленске (Российская Федерация). Окончил историко-географический факультет Могилёвского педагогического института и Литературный институт имени А. М. Горького. Прозаик, драматург, переводчик. Автор многих книг прозы для детей и взрослых. Живет в Минске.

